

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ И КОММУНИКАТИВНОЙ СТИЛИСТИКИ ТЕКСТА

УДК 81'373.611 + 81'37

Е. В. Васильева

ЛАКУНАРНОСТЬ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПАРАДИГМ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ ОТАДЪЕКТИВНЫХ ИМЕН ЛИЦ: КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

Исследуется лакунарность словообразовательных парадигм прилагательных, обозначающих психические характеристики человека, в сфере производства имен лиц. Внимание уделяется когнитивным аспектам деривации. Предпринимается попытка определить, какие параметры признаковой семантики являются релевантными для носителя языка при образовании существительных со значением 'лицо по признаку'. Выявление таких семантических компонентов вносит вклад в исследование языковой картины мира, что обуславливает актуальность настоящего исследования. Для достижения поставленной цели в работе проводится анализ ситуаций, предваряющих процесс выбора адъективных номинаций. С учетом полученных результатов предлагается авторская классификация прилагательных лексико-семантической группы 'психические характеристики человека'. В сопоставлении с семантическими ролями глагольных актантов выявляются семантические роли, которые можно приписать актанту, находящемуся при адъективе. Выясняется, что весь массив адъективной лексики можно разделить на три группы в зависимости от наличия или отсутствия в семантике прилагательных такого компонента, как контролируемость. Именно категория интенционального контроля оказывается неотъемлемой характеристикой семантики прилагательных, вступающих в процесс производства имен лиц. Отсутствие в семантике прилагательного семы 'контроль' создает запрет на образование отадъективных номинаций.

Ключевые слова: лакуна, имя прилагательное, носитель признака, семантическая роль, агенс, пациент, экспериенцер, интенциональный контроль.

У носителя современного русского языка есть широкий репертуар языковых средств, чтобы охарактеризовать того или иного человека по его психическим особенностям. Этот набор представлен адъективной (*добрый, радостный, грустный, злой, впечатлительный, тактичный, чуткий, ленивый, ворчливый, жадный* и др.) и субстантивной лексикой (*добряк, зануда, злюка, фурия, лентяй, ворчун, меланхолик, нытик, жмот* и др.).

Отдельный интерес представляют словообразовательные пары *прилагательное* → *существительное* ('признак' → 'лицо по признаку'): *добрый* → *добряк*, *злой* → *злюка*, *аккуратный* → *аккуратист*, *жадный* → *жадина* и др. Ср.:

(1) Как все **жадные**, а вы, конечно, понимаете, что Пылесос этот оказался **жадиной**, он покатился прежде всего туда, где лежали игрушки (В. Постников).

(2) – *Ведь Павлуша... ведь он, то есть, добрый человек, добряк и друг мне...* (В. И. Даль).

И атрибутивное словосочетание (*добрая женщина, жадный ребенок, аккуратный человек*), и его субстантивный аналог (*добряк, жадина, аккуратист*) имеют одинаковый **ономасиологический признак** и **ономасиологический базис**.

Признак и базис в атрибутивном словосочетании выражены прилагательным (*добрый, жадный, аккуратный*) и существительным (*человек, женщина, ребенок*) соответственно, в субстантиве – адъективной основой (*добр-, жадн-, аккуратн-*) и словообразовательным формантом (*-ец-, -ин(а), -ак-, -ик-*): *добрый + человек = добр- + -ак-*. Однако назвать человека *добрым, жадным, спесивым* не то же самое, что назвать его *добряком, жадиной, жадюгой, спесивцем*.

Как отмечает А. Вежбицкая, «если один 'качественный концепт' получает два обозначения, одно именное и одно адъективное, это не потому что частеречный статус с точки зрения семантики не имеет значения, а потому что рассматриваемый концепт расщепляется на два родственных, но не тождественных концепта, один из которых, с семантической точки зрения, больше приспособлен для того, чтобы быть обозначенным существительным, чем прилагательным» [1, с. 174].

В словообразовательных парадигмах некоторых адъективов в сфере производства имен лиц выявляются незаполненные ниши – **лакуны**. Вслед за В. Г. Гаком, Г. В. Быковой, В. М. Савицким и Е. В. Савицкой под **лакуной** автор понимает от-

сутствие в системе некоторого элемента, присутствие которого подразумевается ею (ср.: [2–5]): *радостный* → *, *грустный* → *, *впечатлительный* → *, *эмоциональный* → *, *жестокий* → *, *тактичный* → * и т. д.

С одной стороны, отсутствие того или иного деяривата сигнализирует о том, что в системе языка есть определенные ограничения на сочетаемость морфем, не позволяющие образовывать от прилагательных имена лиц, с другой стороны, лакуны являются маркерами национальной концептосферы, они свидетельствуют о неодинаковой значимости психических характеристик в разных языковых картинах мира.

Предмет настоящей работы – словообразующие возможности прилагательных, обозначающих психические характеристики человека. Цель – определить, какие смыслы, с точки зрения носителей современного русского языка, заслуживают однословной номинации со значением ‘лицо по признаку’, «какой квант информации» выделяется «телом знака из общего потока сведений о мире» [6, с. 23].

Прилагательные, обозначающие психические характеристики человека, относятся к рациональным адъективам, то есть таким единицам, которые называют «признаки, не воспринимаемые органами чувств, а возникающие на основе воспринятых органами чувств признаков в результате анализа, сопоставления, умозаключений» [7, с. 22].

Присвоение человеку той или иной характеристики следует из наблюдения за ситуацией, в которой индивид проявляет себя каким-либо способом. Носитель признака может: а) совершать действия, реагировать на внешние раздражители определенным образом; б) контролировать или не контролировать эти действия, свою реакцию. Все это принимается во внимание говорящим в процессе номинации и может учитываться при образовании однословных номинаций.

Для достижения поставленной цели в работе проводится содержательный анализ таких ситуаций с последующей классификацией имен прилагательных и выявлением семантических ролей для актанта при адъективе.

С учетом выделенных выше параметров прилагательные, обозначающие психические характеристики человека, можно разделить на три группы.

К первой группе относятся адъективы, которые характеризуют **пассивное** лицо, оказавшееся в определенном состоянии под воздействием некоторых условий (*взволнованный, радостный, грустный, расстроенный, разгневанный* и т. п.):

(3) Увидев столь представительную делегацию, из прилегающей к магазину подсобки выскочила слегка **взволнованная** этим визитом **продавщица** (А. Геласимов).

(4) *Очень **расстроен независимый центрист**, что не он первым додумался до столь выигрышно-го хода* (Е. Вразяка).

Волнение и грусть являются не результатом внутренних усилий человека, который переживает названные состояния (см. *взволнованная продавщица, расстроенный центрист*), но психической реакцией на происходящее. Человек никак **не может контролировать** то, какие чувства ему стоит испытывать в том или ином случае (см. о неконтролируемых действиях в [8, с. 799; 9; 10]).

Вторая группа прилагательных включает единицы, которые характеризуют лицо, совершающее какие-либо действия исходя из **своих потребностей, жизненных установок, моральных принципов, знаний, привычек** и т. д. (*добрый, скупой, хитрый, щепетильный* и т. п.):

(5) *О графине люди отзывались хорошо, а графа рисовали как очень **скупого человека**, чуть ли не по золотникам отвешивавшего хлеб своим служащим* (А. Ф. Кошко).

(6) *Мы смеялись, пошли зачем-то в мою комнату – она была чрезвычайно **щепетильной** женщиной и никогда без стука или разрешения не входила ко мне* (Л. Гурченко).

В (5) и (6) человек ведет себя тем или иным образом не под влиянием внешних раздражителей, он волен сам выбрать стратегию поведения, руководствуясь определенными принципами, стремлениями, сформированными у него в процессе жизни. Носитель признака – характеризуемый герой – является и режиссером, и непосредственным исполнителем. С одной стороны, он осуществляет ментальные операции, сопровождающие то или иное его действие, с другой, затрачивает собственную энергию для осуществления этих действий. В терминологии Г. А. Кустовой, субъект одновременно осуществляет два типа контроля: **интенциональный** и **денотативный** (см. о контроле также: [11, с. 45–112; 12; 13; 10; 14]). Интенциональный контроль – «принятие решения, выбор схемы деятельности, установление соответствия реального содержания ситуации (и затем ее результата) содержанию намерения, выработка автокоманд для нормальной реализации (и, если необходимо, коррекции) ситуации» [15, с. 146]. Денотативный контроль – непосредственная затрата энергии, расход усилий на производство каких-то действий, «независимо от того, совпадают ли они с программой субъекта» [15, с. 146].

В третью группу входят прилагательные, которые характеризуют лицо, чье поведение предопределено **динамическими особенностями его психики**, но не его волей (*впечатлительный, импульсивный, эмоциональный, флегматичный* и т. п.):

(7) *Причем наибольшая опасность подстерегает эмоциональных людей, склонных на все бурно реагировать* (П. Максимов).

(8) *Сим, по его собственному признанию, был мальчик впечатлительный, и слова, сказанные странником, произвели в душе его очень глубокое смущение* (В. Войнович).

Подобно ситуациям, рассмотренным в первой группе, поведение, по которому героя характеризуют посредством прилагательных *впечатлительный, эмоциональный*, имеет своим **источником** некоторый **внешний** раздражитель. Однако этот раздражитель не вызвал бы соответствующей реакции, если бы у человека не было **внутренней** предрасположенности. Происходящие в человеке динамические процессы задают характер его реакций (*бурно реагировать, глубокое смущение*). Энергия, за счет которой развивается ситуация, сосредоточена внутри самого индивида, но он **не контролирует** происходящее, в отличие от субъектов в примерах (5) и (6). Человек бурно реагирует на что-то, глубоко переживает какое-либо событие не потому, что он так захотел, а потому что он так устроен. Индивид при определенных усилиях может только прекратить процесс, сдержать свой темперамент (что происходит не всегда). Как отмечает Е. Л. Григорьян, исследуя скрытые категории контроля, в частности **категорию частичного контроля**, «возможны такие ситуации, возникновение которых не связано с волей и действиями субъекта, но он может их предотвратить, прервать» [12, с. 98]. На наш взгляд, в этом случае нужно говорить о **факультативном** присутствии **частичного интенционального контроля** при полном наличии денотативного (сознательно или незосознательно субъект затрачивает какую-то часть собственной энергии).

Итак, выбор необходимой номинации основывается на наблюдении за ситуацией, в которой носитель признака проявляет себя тем или иным образом.

Резюмируя сказанное, можно представить ход рассуждений говорящего в виде схемы, где X – это человек, являющийся объектом наблюдения; А, В, С – это признаки, которыми наделяется оцениваемый индивид; Р – это действия, реакции, т. е. любые проявления X как участника ситуации:

1. X приписывается признак А, если Р – это Р⁻ интенциональный контроль’;

2. X приписывается признак В, если Р – это Р⁺ интенциональный контроль’;

3. X приписывается признак С, если Р – это Р⁺ частичный интенциональный контроль’.

В составе высказываний, описывающих любую из трех возможных ситуаций, есть имя лица (S) и имя преддицируемого ему признака (Adj). S при Adj – это его синтаксический актанта.

Этому синтаксическому актанта соответствует гиперроль субъекта (Sb), включающая некоторый ряд семантических ролей. Как следует из приведенных выше примеров, они могут существенно различаться.

Поскольку прилагательные, как и глаголы, являются предикатами, с некоторой долей условности можно провести параллель между семантическими ролями глагольных и адъективных актанта.

В примерах (3) и (4) семантическая роль субстантивов, находящихся при лексемах *взволнованный* и *расстроенный*, определяется как **экспериментер** – участник ситуации, «чье умонастроение или умственные процессы (психические процессы. – Е. В.) подвергаются воздействию» [16, с. 168]. Ср.: *Брат радуется подарку; Лизу расстроил дождь*.

В контекстах (5) и (6) субстантивы человек, женщина, на взгляд автора, выполняют семантическую роль **агенса** – участника ситуации, являющегося инициатором и непосредственным исполнителем действия, полностью контролирующего ситуацию» [17, с. 23]. Ср.: *Девочка пишет письмо; Миша решил поехать в деревню*.

В предложениях (7) и (8) субъекту при предикате можно условно приписать семантическую роль **пациенса**, которая лучше других ролей, представленных в лингвистической литературе, передает идею отсутствия интенционального контроля. Можно сказать, что индивид является марионеткой (объектом) в руках собственного темперамента (субъекта). **Пациенс** – участник ситуации, не контролирующей ее, не ответственный за ее реализацию и подвергающийся изменению своего состояния [17, с. 23]. Ср.: *Миша ударил Ваню; Мама ругает сына*.

Итак, словосочетание S + Adj (где S – имя лица, Adj – обозначение его психической характеристики) оказывается средством грамматической упаковки, используемой при описании ситуаций с субъектом – экспериментером, субъектом – пациентом и субъектом – агенсом.

Характер субъекта оказывается релевантным для образования однословной отадъективной номинации.

Анализ словообразовательных парадигм показывает, что в производстве имен лиц чаще всего участвуют такие предикаты, актанта которых играет семантическую роль **агенса**, ср.: *добрый* → *добряк, скупой* → *скупец, скупердяй, скупердяга, щепетильный* → *щепетильник* и т. д.

Выявленная закономерность свидетельствует о том, что существительные со значением ‘носитель признака’ образуются в случае, когда действия, на основании которых человеку приписывается тот или иной признак, совершаются исключи-

тельно по его решению, выбору, а не под влиянием других факторов (внешних или внутренних), не позволяющих ему быть режиссером собственного поведения.

Для говорящего оказывается важным, чтобы то качество, по наличию которого он характеризует другого человека, было полностью под интенсивным контролем его носителя.

Список литературы

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянской культуры, 2011. 568 с.
2. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. М.: Просвещение, 1989. С. 244–245.
3. Быкова Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. 313 с.
4. Савицкий В. М. Онтология языковых лагун // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2013. № 2. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/343> (дата обращения: 19.07.2015).
5. Савицкая Е. В. Языковые лакуны в свете диалектической логики // Известия ВГПУ. 2014. № 10 (95). С. 4–8.
6. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
7. Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. 136 с.
8. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. 896 с.
9. Олзоева Я. В. Контролируемые и неконтролируемые действия: основания для классификации // Вестник БГУ. 2012. № SC. С. 198–201.
10. Klaiman M. H. Affectedness and control: a typology of voice systems // Typological studies in language. 1988. V. 16. Passive and voice, pp. 25–84.
11. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке // Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки славянской культуры, 1997. С. 45–112.
12. Григорьян Е. Л. «Скрытая» категория контроля и синтаксис // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2010. № 2. С. 96–107.
13. Зализняк А. А. Контролируемость ситуации в языке и жизни // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Индрик, 1992. С. 138–145.
14. Klaiman M. H. Control and grammar // Linguistics. 1991. V. 29. № 4. P. 623–652.
15. Кустова Г. И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Индрик, 1992. С. 145–150.
16. Чейф У. Значение и структура языка. М.: Едиториал УРСС, 2003. 424 с.
17. Кибрик А. Е., Брыкина М. М., Леонтьев А. П., Хитров А. Н. Русские посессивные конструкции в свете корпусно-статистического исследования // Вопросы языкознания. 2006. № 1. С. 16–46.

Васильева Е. В., аспирант.

Иркутский государственный университет.

Ул. Чкалова, 2, Иркутск, Россия, 664025.

E-mail: elvavi2301@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 19.08.2015.

E. V. Vasilyeva

LACUNARITY OF DERIVATIONAL PARADIGMS IN FORMING ADJECTIVE-BASED NAMES OF PERSONS: COGNITIVE APPROACH

The article is dedicated to the research of lacunarity of derivational paradigms of adjectives denoting mental characteristics of a human in forming names of persons. Attention is paid to cognitive aspects of derivation. An attempt is being made to determine which parameters of feature semantics are relevant to a native speaker in forming nouns with the meaning 'a person according to an attribute'. Determination of such semantic components contributes to a research of a linguistic world-image which stipulates the thematic justification of the research. For the accomplishment of the targeted goal the analysis of situations anticipating the selection procedure of adjectival naming units is carried out. Considering the obtained results the author's classification of adjectives of a lexical semantic group 'mental characteristics of a human' is proposed. Compared to semantic roles of verbal actants the semantic roles which may be attributed to the actant being near an adjective are determined. It turns out that the whole array of adjectival lexicon can be divided into three groups depending on presence or absence in semantics of adjectives of a component such as controllability. It is the category of intensional control that appears to be an integral characteristic of semantics of adjectives entering the process of forming names of persons. Absence of an adjective of a semantic component 'control' in semantics forbids a formation of adjective-based naming units.

Key words: *lexical gap, adjective, attribute bearer, semantic role, agent, patient, experiencer, intensional control.*

References

1. Vezhbitskaya A. *Semanticheskiye universalii i bazisnye kontsepty* [Semantic universals and basic concepts]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2011. 568 p. (in Russian).
2. Gak V. G. *Sravnitel'naya tipologiya frantsuzskogo i russkogo yazykov* [The Comparative typology of French and Russian]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1989. Pp. 244–245. (in Russian).
3. Bykova G. V. *Lakunarnost' kak kategoriya leksicheskoy sistemologii* [The lacunarity as a lexical category systematology]. Blagoveshchensk, BGPU Publ., 2003. 313 p. (in Russian).
4. Savitskiy V. M. Ontologiya yazykovykh lakun [The ontology of linguistic gaps]. *Elektronnyy zhurnal "Vestnik MGOU" – Electronic journal "Bulletin of Moscow State Regional University"*, 2013, no. 2, URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/343> (accessed 19 September 2015) (in Russian).
5. Savitskaya E. V. Yazykovye lakuny v svete dialekticheskoy logiki [Language gaps in the light of dialectological logic]. *Izvestiya VGPU – News of the Volgograd State Pedagogical University*, 2014, no. 10 (95), pp. 4–8 (in Russian).
6. Kubryakova E. S. *Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and knowledge: On the way of obtaining knowledge about the language: parts of speech from the cognitive point of view. The role of language learning about the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 560 p. (in Russian).
7. Shramm A. N. *Ocherki po semantike kachestvennykh prilagatelnykh (na material sovremennogo russkogo yazyka)* [Essays on the semantics of qualitative adjectives (on the material of modern Russian language)]. Leningrad, LGU Publ., 1979. 136 p. (in Russian).
8. Arutyunova N. D. *Yazyk i mir cheloveka* [The language and the human world]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1998. 896 p. (in Russian).
9. Olzoeva Ya. V. Kontroliruemye i nekontroliruemye deystviya: osnovaniya dlya klassifikatsii [Controlled and uncontrolled actions: bases for classification]. *Vestnik BGU – Bulletin of the Buryat State University*, 2012, no. SC, pp. 198–201 (in Russian).
10. Klaiman M. H. Affectedness and control: a typology of voice systems. *Typological studies in language*, 1988, V. 16. Passive and voice, pp. 25–84.
11. Bulygina T. V. K postroeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke [To build a typology of predicates in the Russian language]. Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na material russkoy grammatiki)* [The linguistic Conceptualization of the world (on the material of Russian grammar)]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 1997, pp. 45–112 (in Russian).
12. Grigoryan E. L. "Skrytaya" kategoriya kontrolya i sintaksis [The "implicit" category of control and syntax]. *Izvestiya yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskiye nauki – Proceedings of the Southern Federal University. Philology*, 2010, № 2, pp. 96–107 (in Russian).
13. Zaliznyak A. A. Kontroliruemosť situatsii v yazyke i zhizni [The controllability of the situation in language and life]. *Logicheskyy analiz yazyka. Modeli deystviya – Logical analysis of language. Models of action*. Moscow, Indrik Publ., 1992. Pp. 138–145 (in Russian).
14. Klaiman M. H. Control and grammar. *Linguistics*, 1991, vol. 29, no. 4, pp. 623–652.
15. Kustova G. I. Nekotorye problemy analiza deystviy v terminakh kontrolya [Some problems of the analysis of action in terms of control]. *Logicheskyy analiz yazyka. Modeli deystviya – Logical analysis of language. Models of action*. Moscow, Indrik Publ., 1992. Pp. 145–150. (in Russian).
16. Cheyf U. *Znacheniyе i struktura yazyka* [The meaning and structure of language]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2003. 424 p. (in Russian).
17. Kibrik A. E., Brykina M. M., Leontev A. P., Khitrov A. N. Russkiye possessivnye konstruksii v svete korpusno-statisticheskogo issledovaniya [Russian possessive constructions in the light of corpus-statistical research]. *Voprosy yazykoznaniya – Issues of Linguistics*, 2006, pp. 16–46. (in Russian).

Vasilyeva E. V.

Irkutsk State University.

Ul. Chkalova, 2, Irkutsk, Russia, 664025.

E-mail: elvavi2301@yandex.ru